

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ В РОССИИ: ИЗМЕРЕНИЕ, МАСШТАБЫ, ДИНАМИКА

Синявская Оксана Вячеславовна

Независимый институт социальной политики

E-mail: sinyavskaya@socpol.ru

Последние десятилетия характеризовались – повсюду в мире – изменением форм занятости в пользу увеличения доли ее неформальной составляющей. Существует множество подходов к исследованию этого, будоражащего умы исследователей и политиков, явления, включая разные способы его определения, измерения и интерпретации его природы. Россия не является исключением ни в плане существования самого феномена, ни в части богатейшей коллекции исследований, ему посвященных.

В данной статье обосновывается еще один подход к определению и измерению неформальной занятости. Обсуждаются оценки масштабов данного явления и его основные характеристики, полученные на основе вторичного анализа данных опроса населения, выполненного в рамках проекта Московского центра Карнеги по изучению средних классов. Впервые поднимается вопрос о динамике данного явления и устойчивости индивидуального статуса неформальной занятости, что стало возможным благодаря использованию панельных данных другого обследования – Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения. Статья завершается обсуждением природы российской неформальной занятости и возможной динамики данного явления в ближайшей перспективе.

Определение неформальной занятости

Понятия «неформальная экономическая деятельность», «неформальная занятость» интуитивно понятны. Тем не менее, история их изучения показала, что один и тот же термин применяется зачастую для обозначения хотя и близких по смыслу, но все-таки не совпадающих явлений. И напротив, для описания одного и того же феномена разные авторы используют различную терминологию. Определения «теневая», «скрытая», «подпольная», «незарегистрированная», «недекларируемая», «ненаблюдаемая», «неформальная» и пр. могут выступать как синонимами, так и характеристиками разных форм занятости.

Начнем с того, что, в нашей интерпретации, **не** относится к понятию «неформальный». Очевидно, что прежде всего это понятие исключает любую формальную – т.е. полностью законную деятельность. Во-вторых, сфера неформального не включает криминальную деятельность, связанную с производством нелегальных товаров или услуг. В-третьих, в отличие от ряда авторов мы не будем включать в исследуемый феномен и любую деятельность домашних хозяйств, не связанную с производством продукции на продажу. Оставшийся сегмент – экономическую деятельность, связанную с производством качественных (легальных) товаров или услуг на продажу (за вознаграждение), но с нарушением – полным или частичным – норм действующего законодательства, определим как «подпольную» (underground).

Другой важный вопрос – отношения между формальным и неформальным, легальным и нелегальным¹. Первоначально характеристики неформальности приписывались производственным единицам, обладающим определенными чертами и составляющими вместе неформальный сектор. Формальный и неформальный сектора рассматривались как абсолютно автономные и противопоставлялись друг другу.

Эмпирическое изучение неформального сектора показало, что в реальности его существование тесно связано и с формальным сектором, и с формальным регулированием. Предприятия неформального сектора могут выступать поставщиками, субподрядчиками предприятий формального сектора, образуя единую производственную цепочку. Само их существование может быть обусловлено неспособностью соответствовать нормам действующего законодательного или иного регулирования. Да и предприятия формального сектора могут действовать вопреки формальному регулированию. Практики сокрытия части зарплаты или устного найма распространены как в неформальном, так и в формальном секторах. Напротив, часть занятости на предприятиях неформального сектора может осуществляться в полном соответствии с действующим административным, трудовым и налоговым законодательством.

Идея о взаимопроникновении формального и неформального в экономической деятельности имеет два важных следствия. Во-первых, она позволяет перейти от изучения формального и неформального секторов к изучению формальной и неформальной экономики, включая формальную и неформальную занятость. В последнем случае характеристики формальности-неформальности, легальности-нелегальности приписываются уже не производственным единицам, а характеристикам индивидуальной занятости. Схематично «карта» занятости в зависимости от типа производственной единицы может быть представлена в виде квадратной матрицы (рис. 1).

		Сектор	
		ФОРМАЛЬНЫЙ	НЕФОРМАЛЬНЫЙ
Занятость	ФОРМАЛЬ- НАЯ	<i>формальная занятость в формальном секторе</i>	<i>формальная занятость в неформальном секторе</i>
	НЕФОРМАЛЬ- НАЯ	<i>неформальная занятость в формальном секторе</i>	<i>неформальная занятость в неформальном секторе</i>

Рис. 1. Матрица статусов занятости

Во-вторых, это дает возможность выделить несколько состояний занятости по степени соответствия ее условий законодательству. На одном полюсе будет находиться работа, осуществляемая в полном соответствии с условиями письменного трудового договора, абсолютно соответствующего действующему законодательству. На другом – занятость на условиях устных договоренностей. Между ними – широкий спектр работ, выполняемых с некоторыми нарушениями законодательства: будь то в части декларируемого размера

¹ В этом и двух последующих абзацах понятие «неформальное» используется как противоположное «формальному», антитеза последнего.

заработка, или режима труда, отпусков и пр. Первая ситуация, очевидно, может быть определена как формальная занятость. Вторая и третья вместе составляют «подпольную» занятость, в соответствии с приведенным выше определением. При этом полностью незарегистрированную занятость (по найму на основе устных договоренностей или индивидуальное предпринимательство без патента или лицензии) мы определим как *неформальную*, тогда как переходные между формальной и неформальной занятостью формы образуют *теневую занятость*². В результате, рис. 1 может быть модифицирован следующим образом (рис. 2).

Изучение теневой занятости – предмет отдельного исследования. Подчеркнем, что в дальнейшем, говоря о формальной занятости, мы будем иметь в виду занятость «условно-формальную», т.е. совокупность формальной и теневой занятости.

		Сектор		
		ФОРМАЛЬНЫЙ	НЕФОРМАЛЬНЫЙ	
«Условно» формальная занятость	Занятость	ФОРМАЛЬНАЯ	формальная занятость в формальном секторе	формальная занятость в неформальном секторе
		ТЕНЕВАЯ	теневая занятость в формальном секторе	теневая занятость в неформальном секторе
		НЕФОРМАЛЬНАЯ	неформальная занятость в формальном секторе	неформальная занятость в неформальном секторе
				Подпольная занятость

Рис. 2. Модифицированная матрица статусов занятости

Иными словами, неформальная занятость охватывает все формы оплачиваемой занятости – по найму и не по найму, которые формально не зарегистрированы и, следовательно, не подлежат регулированию и не защищены существующими правовыми или регулируемыми структурами [Carr, Chen 2002]. Определенный таким образом контингент неформально занятых будет включать, с одной стороны, *самозанятых без патента или лицензии, незарегистрированных индивидуальных предпринимателей с наемными работниками и без них, лиц, работающих на условиях устного найма на предприятиях неформального сектора, неоплачиваемых работников семейных предприятий* и пр., а с другой – *наемных работников предприятий формального сектора, работающих без контракта*. По нашему мнению, именно в этой группе концентрируются наиболее явные нарушения *формальных* норм трудового права и социального страхования.

Модифицируя типологию, предложенную Э. Миньоне [Барсукова 2003], отметим, что неформальная занятость, в свою очередь, может быть первичной, если она является основной трудовой деятельностью, приносящей человеку основной (трудовой) доход, или вторичной, если выступает дополнительной занятостью для дополнительного дохода. Измерение первичной неформальной занятости дает минимальную оценку неформальной занятости как

² Особняком стоит фиктивная занятость, существующая *de jure*, в виде письменного контракта, но не *de facto*, так как не влечет реального найма. Примером может служить фиктивный найм инвалидов.

совокупности тех индивидов, чей труд полностью выпадает из пространств трудового и социального законодательства, а также статистического и налогового учета.

Измерение неформальной занятости

Данные

В этой статье представлены некоторые результаты проекта по изучению неформальной занятости, проводившегося в Независимом институте социальной политики³. Эмпирические оценки неформальной занятости строились на основе вторичного анализа данных социологических обследований. Очевидный недостаток вторичного социологического анализа в том, что базируется на данных, которые не были предназначены специально для изучения интересующего нас феномена, и это предполагает необходимость адаптации эмпирического определения неформальной занятости и использования замещающих переменных для некоторых объясняющих параметров. Вместе с тем, поскольку источником информации о неформальных трудовых отношениях в таких обследованиях выступает население, можно надеяться на более полное отражение реальной картины, так как аналогичные опросы руководителей предприятий будут, очевидно, занижать масштабы нерегистрируемых наймов.

В данном проекте были использованы: (1) обследование социально-экономического положения населения, проведенное Московским центром Карнеги в ноябре 2000 г. и охватывающее 5000 домохозяйств (данные обследования находятся в Едином архиве социологических данных НИСП)⁴; (2) три волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), проведенные в IV квартале 1998, 2000 и 2002 гг., по выборке около 4500 домохозяйств (свыше 10 тыс. респондентов) каждая. Оба обследования репрезентируют взрослое население России по базовым демографическим характеристикам. Поскольку обследование Центра Карнеги охватывает взрослое население от 18 лет и старше, в сравнительном одномоментном анализе неформально занятых мы использовали усеченную выборку массива РМЭЗ с таким же возрастным диапазоном. Массив Карнеги был перевзвешен по переменным пола и типа поселения с целью приведения его в соответствие с данными официальной статистики⁵. Панельные данные

³ Проект являлся частью международного проекта по исследованию развития рабочей силы, проводившегося в рамках Глобальной сети политики в 2003–2004 гг. в Египте, Индии, России, Сальвадоре и ЮАР при финансовой поддержке Фонда Форда. Участники российского проекта: Т.М. Малева (руководитель), О.В. Синявская и Д.О. Попова.

⁴ Методика обследования описана в [Средние классы... 2003].

⁵ Авторы благодарят М.В. Михайлюка за помощь в разработке процедуры перевзвешивания массива. Для сравнительного анализа неформальной занятости в массиве данных Карнеги 2000 г. использовались веса для перевзвешивания наблюдений из выборки таким образом, чтобы структура выборки наиболее точно соответствовала структуре генеральной совокупности (по данным Госкомстата России). При расчете этих весов принимались во внимание пол респондента и тип населенного пункта (городская/сельская местность). Эти веса приближают долю женщин, проживающих в селе/городе, и долю мужчин, проживающих в селе/городе, в итоговой выборке к долям этих групп по данным Госкомстата России.

Пусть M_{11} , M_{12} , M_{21} , M_{22} – число мужчин в городе, мужчин в селе, женщин в городе, женщин в селе в генеральной совокупности, а m_{11} , m_{12} , m_{21} , m_{22} – то же в выборке. После взвешивания частоты выборки должны совпадать с частотами генеральной совокупности. Например:

РМЭЗ включали респондентов, участвовавших в опросах 1998, 2000, 2002 гг., которым в 2002 г. исполнилось 15 лет или больше (всего 4711 человек).

Эмпирические определения

Эмпирические оценки неформальной занятости будут определяться, во-первых, тем, за какой период измеряется занятость, и, во-вторых, какие критерии неформальности можно применить на используемых данных.

Оба обследования фиксируют наличие занятости на момент опроса. В обследовании Московского центра Карнеги (МЦК) в состав занятых включены все утвердительно ответившие на вопрос: «*Имеете ли Вы сейчас какую-либо регулярную оплачиваемую работу (кроме приработков)?*» (*Регулярная оплачиваемая работа – вид постоянной трудовой деятельности, приносящей доход*). В РМЭЗ занятыми считаются те, кто на вопрос «*Скажите, пожалуйста, у Вас есть сейчас работа, Вы находитесь в оплачиваемом или неоплачиваемом отпуске, или у Вас нет работы?*» ответил, что у него есть работа, он (она) находится в отпуске декретном или по уходу за ребенком до трех лет, любом другом оплачиваемом отпуске или неоплачиваемом отпуске. Поскольку большинство других вопросов о характеристиках занятости респондентов, определенной таким образом, в обоих обследованиях относятся к ситуации за последний месяц, можно считать, что интервал наблюдения регулярной занятости – месяц, предшествовавший опросу. Исходя из приведенных вопросов, можно предположить, что оценки занятости, полученные по данным обследования МЦК, будут ниже, чем по данным РМЭЗ, поскольку (а) относятся только к регулярной занятости и (б), по-видимому, не включают лиц, находящихся в длительных отпусках. Действительно, для населения в возрасте 18–72 лет уровень занятости по данным опроса МЦК составил 57,3% (N = 3651), тогда как по данным 9-й волны РМЭЗ (IV квартал 2000 г.) – 59,1% (N = 6059).

Сложнее обстоит дело с интервалом измерения распространенности случайной занятости (приработков). Если в РМЭЗ наличие приработков также определяется за последний месяц («*Скажите, пожалуйста, в течение последних 30 дней Вы занимались (еще) какой-нибудь работой? Может быть, Вы сшили кому-то платье, подвезли кого-нибудь на машине, занимались репетиторством, помогли кому-то с ремонтом квартиры, машины, купили и доставили продукты, ухаживали за больными, продавали свои или купленные продукты или товары на рынке или на улице, челночили или делали что-то другое?*»), то в обследовании МЦК использована двухступенчатая система. Вначале респонденты отвечают на вопрос, имели ли они приработки в течение последних шести месяцев, и лишь затем – есть ли этот приработок у них сейчас. Под приработками при этом понимается нерегулярная оплачиваемая деньгами или натурой деятельность (например, нерегулярные подработки, гонорары, «извоз», «шабашка», разовые услуги и т.д.). Уровни случайной занятости для респондентов 18–72 лет в конце 2000 г. составили 7,6 и 9,8% по данным обследований МЦК и РМЭЗ, соответственно.

$$\frac{M11}{M11 + M12 + M21 + M22} = k_{11} \frac{m11}{m11 + m12 + m21 + m22}$$

Отсюда вычисляются коэффициент k_{11} , который и являются весом для данной группы:

$$k_{11} = \frac{M11(m11 + m12 + m21 + m22)}{(M11 + M12 + M21 + M22)m11}$$

Аналогично вычисляются коэффициенты k_{ij} для всех остальных групп.

В результате, общий уровень занятости населения 18–72 лет за последний месяц составил по данным РМЭЗ 68,9%, а по данным МЦК – 64,3%. Уровень занятости 15–72-летних респондентов, по РМЭЗ, охватывал 60,7% их общей численности, тогда как аналогичный показатель по данным обследований населения по проблемам занятости (ОНПЗ) Росстата (период наблюдения – неделя) составлял 58,4%, что косвенно свидетельствует о достаточно хорошей репрезентативности выборочных данных по наблюдаемому показателю.

Логика вопросников двух обследований диктует две разные схемы эмпирического определения неформальной занятости. Обследование МЦК позволяет прямо применить критерий отсутствия регистрации отношений найма или предпринимательской деятельности для ситуации регулярной занятости. В данном обследовании категория неформально занятых на регулярной работе будет включать тех, кто на вопрос *«Как оформлены Ваши трудовые отношения?»* выбрал ответы: *«никак не оформлены, имеется устная договоренность с руководством»*; *«никак не оформлены, так как Вы предприниматель»*; *«никак не оформлены, так как Вы самозанятый, работаете без патента, лицензии»*. Неформально занятыми среди имеющих приработки будут считаться те, кто ответил, что его приработки *«никак не оформляются, имеются устные договоренности»*; *«никак не оформляются, так как он самозанятый»*.

Определение занятости в неформальном секторе менее очевидно и требует принятия определенных допущений. Первой неизвестной является факт отсутствия регистрации в качестве юридического лица, т.е. критерия, который используется Росстатом для определения неформального сектора. Невозможно также выделить работу по найму у физических лиц, если она является регулярной занятостью. В результате, в состав занятых в неформальном секторе были включены самозанятые и предприниматели, а также наемные работники с регулярной занятостью на предприятиях с численностью менее 5 человек и наемные работники со случайной занятостью у частных лиц.

Напротив, в РМЭЗ первый шаг состоит в отделении регулярной занятости в формальном секторе (*«... на предприятии, в организации...»*) от регулярной занятости вне формального сектора (*«... не на предприятии, в организации...»*): *«Скажите, пожалуйста, на этой работе Вы работаете на предприятии, в организации? Мы имеем в виду любую организацию, независимо от формы собственности, в которой работает более одного человека. Например, любые учреждения, заводы, фирмы, колхозы, фермерские хозяйства, магазины, армию, государственные службы и прочие учреждения»*. Второй шаг позволяет вычленить неформальную занятость в рамках формального сектора: *«Скажите, пожалуйста, Вы оформлены на этой работе официально, т.е. по трудовой книжке, трудовому соглашению, контракту?»* (не оформлены официально). Прodelать аналогичную процедуру в отношении занятых в неформальном секторе невозможно. Что касается занятости случайно, то можно выделить неформальную занятость для первого приработка (*«Скажите [называют первый приработок] была оформлена официально, например, по договору, контракту, лицензии?»*), но практически невозможно понять, в каком секторе она осуществляется.

В результате, обследования включают следующие категории неформально занятых.

- Опрос МЦК: (а) самозанятые без патента или лицензии; (б) предприниматели с наемными работниками или без них, не имеющие контракта; (в) наемные работники, работающие на основе устной договоренности;
- РМЭЗ: (а) все работающие не на предприятии/не в организации, в том числе предприниматели с наемными работниками или без таковых, работающие на семейном предприятии с оплатой или без, работающие по найму у физических лиц, фермеры; (б) наемные работники, работающие на основе устной договоренности на предприятиях / в организациях.

Очевидно, что эмпирическое определение неформальной занятости по данным обследования МЦК наиболее полно отражает приведенное выше теоретическое определение этого феномена, тогда как данные РМЭЗ завышают оценки неформальной занятости. Поэтому с целью сравнительного изучения распространенности неформальной занятости по данным двух обследований мы использовали еще одно – расширенное – определение неформальной занятости в обследовании МЦК, включив в ее состав *всех* самозанятых и индивидуальных предпринимателей, *независимо* от факта их регистрации в налоговых органах.

Завершая обсуждение вопросов измерения неформальной занятости, обратимся к вопросу учета первичной и вторичной занятости. Первичная занятость в рамках обоих обследований будет включать регулярную занятость или случайные приработки при отсутствии регулярной работы. Соответственно, первичная неформальная занятость – это неформальная занятость на основной регулярной работе или в форме приработков, если последние выступают единственной формой трудовой деятельности респондента. Вторичная занятость может быть регулярной или случайной и предполагает наличие у респондента регулярной основной работы. Вторичная неформальная занятость предполагает, что первая регулярная работа – формальная.

Масштабы явления

Итак, сколько же в России неформально занятых? По данным обследования МЦК, в ноябре 2000 г. на основе устных договоренностей или патента, лицензии было занято около 11% населения активных возрастов и 13% – трудоспособных возрастов (см. табл. 1).

Таблица 1. Уровни неформальной занятости активного и трудоспособного населения по данным обследований МЦК и РМЭЗ, IV квартал 2000 г.

	Опрос МЦК, базовое определение	Опрос МЦК, расширенное определение	РМЭЗ
<i>Респонденты в возрасте 18–72 лет</i>			
Все респонденты, человек	3651	3651	6059
Уровень неформальной занятости, %	10,9	17,9	15,5
Все имеющие регулярную работу, человек	2122	2122	3580
Доля неформально занятых в общем числе регулярной занятых, %	12,9	19,0	17,6
<i>Респонденты в возрасте 18–54/59 лет</i>			
Все респонденты, человек	2693	2693	4902
Уровень неформальной занятости, %	13,4	21,7	18,2
Все имеющие регулярную работу, человек	1978	1978	3380
Доля неформально занятых в общем числе регулярной занятых, %	13,4	20,0	18,4

Следует сделать два замечания относительно реалистичности полученных цифр. Во-первых, исходя из процедуры измерения неформальной занятости, описанной в предыдущем разделе

настоящей статьи, очевидно, что приведенные цифры отражают уровень *текущей*⁶ неформальной занятости на момент проведения опроса, т.е. для IV квартала. Это означает, что в летние месяцы уровни текущей неформальной занятости будут, скорее всего, выше.

Во-вторых, оба обследования не позволяют точно измерить неформальную занятость в личном подсобном хозяйстве, связанную с производством продукции для последующей реализации. Поскольку эта форма занятости широко распространена в сельской местности, полученные оценки занижают общий уровень неформальной занятости и прежде всего на селе. Согласно опросу МЦК, уровни неформальной занятости городского населения составляют 10,0 и 12,3% от численности горожан 18–72 или 18–54/59 лет, соответственно. С учетом дооценки на занятость в домашнем хозяйстве производством товаров или услуг на продажу масштабы неформальной занятости, безусловно, возрастут, однако вряд ли кардинально.

Включение в состав неформально занятых самозанятых, индивидуальных предпринимателей и работодателей, имеющих регистрацию или патент, почти удваивает уровень неформальной занятости (табл. 1). При этом оценки расширенной неформальной занятости по данным МЦК и РМЭЗ оказываются довольно близкими.

Но правомерно ли включать в состав неформальной занятости зарегистрированных предпринимателей и самозанятых? С одной стороны, действительно, эти формы занятости предоставляют больше возможностей для полного или частичного сокрытия результатов экономической деятельности, а также не в полной мере попадают под действие трудовых и социальных гарантий. Вместе с тем само наличие регистрации фактически делает их «видимыми» для регистрирующих и налоговых органов и, следовательно, выводит из определения неформальной занятости. Кроме того, согласно действующему законодательству факт регистрации означает также и то, что эти группы занятых – пусть с ограниченными правами и обязанностями, – но становятся участниками системы социального страхования и, в частности, делают отчисления в пенсионную систему. Поэтому, на наш взгляд, зарегистрированные предприниматели без образования юридического лица, другие категории самозанятых, предпринимателей или профессионалов, имеющих соответствующий патент или лицензию, должны учитываться в составе формальной занятости, в которую, как мы уже отмечали, в рамках данного исследования попадает и «ограниченно формальная» теньевая занятость.

Мы уже говорили о том, что долгое время оценки занятости в неформальном секторе подменяли оценки неформальной занятости. Каким образом соотносятся два указанных явления в России (табл. 2)? Прежде всего, видно, что более половины занятости в неформальном секторе не является неформальной по процедуре ее оформления. Имеют регистрацию, патент или лицензию примерно половина самозанятых. Кроме того, более половины работников, занятых на предприятиях с численностью менее 5 человек, трудятся на условиях письменного найма. Одновременно половина неформальной занятости обеспечивается за счет лиц, работающих на предприятиях формального сектора. Таким образом, очевидно, что понятия занятости в неформальном секторе и неформальной занятости, хотя и пересекаются, не являются совпадающими и не могут рассматриваться в качестве синонимов.

⁶ Следовательно, этот показатель никак не отражает *опыт* участия российского населения в неформальной и уж тем более теньевой занятости, который, очевидно, значителен, что дает исследователям основание говорить о «теньевизации» российского общества [Барсукова 2003].

Таблица 2. Неформальная занятость и занятость в неформальном секторе на основной регулярной работе по данным опроса МЦК, 2000 г. (N = 2043)

Занятость / сектор	Формальный	Неформальный	Всего
Формальная	89,1	4,7	93,8
Неформальная	3,2	3,0	6,2
Всего	92,3	7,7⁷	100,0

Еще один важный вопрос при обсуждении масштабов неформальной занятости связан с выделением ее первичной и вторичной форм. Первичная неформальная занятость является своего рода ядром неформальной занятости. Уровень участия населения в ней показывает, доходы какого числа людей в значительной мере или целиком определяются доходами от незарегистрированной занятости.

По данным МЦК, неформальная занятость (базовое определение) делится на три примерно равных сегмента: (1) первичная неформальная занятость в строгом смысле этого слова (т.е. единственная регулярная занятость, основной источник дохода), (2) единственная случайная неформальная занятость неактивных категорий населения; (3) вторичная неформальная занятость тех, кто также занят формально. Расширение определения неформальной занятости приводит к увеличению доли первого сегмента. Почти половина второго сегмента – первичной нерегулярной занятости – представлена работающими пенсионерами и студентами. Соответственно, доля этого сегмента в составе неформальной занятости в трудоспособных возрастах будет ниже. Напротив, чаще встречается в трудоспособных возрастах вторичная неформальная занятость. В результате, уровень первичной неформальной занятости варьируется от 3,9 до 6,6% от численности населения 18–72 лет в зависимости от того, включаем ли мы в данное определение неактивные категории населения, имеющие случайную неформальную занятость. Уровень первичной неформальной занятости для населения трудоспособных возрастов (18–54/59) составляет, соответственно, 5,1–6,9%. Эти данные согласуются с оценками, полученными другими исследователями на других базах данных [Заславская 2002; Варшавская, Донова: неопубл.].

Полученные оценки являются, скорее всего, нижней границей рассматриваемого явления. Как мы уже отмечали, практически не удалось захватить неформальную сельскохозяйственную занятость. Очевидно, что недооцененной осталась и нелегальная занятость ряда маргинальных групп населения (к числу которых относятся, например, нелегальные мигранты). Как правило, за рамками несфокусированных на проблемах неформальной занятости обследований остается и существенная часть надомной занятости.

Тем не менее, можно сказать, что Россия демонстрирует умеренные масштабы текущей неформальной занятости, охват которой не превышает 20% численности населения активных возрастов, причем уровень первичной неформальной занятости еще ниже – менее 10%.

Неформальная занятость пятой части активного населения – много это или мало? Ответ на этот вопрос будет зависеть от того, кто составляет основной контингент неформально занятых, какие условия обеспечивает этот сегмент занятости и является ли состояние неформальной занятости переходным состоянием либо гетто, в котором человек обречен оставаться.

⁷ Доля занятых на основной работе в неформальном секторе в общем числе занятых, согласно данным ОНПЗ, составляла в феврале 2001 г. 10,8%.

Российские особенности

В литературе по вопросам неформальной занятости в развивающихся странах, к числу которых стало модно причислять и Россию, существует несколько распространенных тезисов о ее ключевых характеристиках, на основе которых выстраивается система рекомендаций по сокращению масштабов данного явления. К их числу можно отнести следующие утверждения.

1. *Неформальная занятость – это вынужденное прибежище тех, кто не может найти работу на формальном рынке труда.* Из этого следует, что (а) неформально занятые – это люди с очевидно более низким уровнем образования, и (б) неформальный характер занятости – результат следования принуждению, а не добровольного выбора.

Наши данные показывают: несмотря на то что среди лиц без среднего образования, действительно, больше неформально занятых, связь между участием в неформальной занятости и уровнем образования в России не линейна (рис. 3). Первое утверждение является справедливым лишь для категории случайно занятых, среди которых свыше 40% имеют среднее общее образование или ниже. Однако очевидно, что такая картина во многом отражает большую долю пенсионеров в составе случайно неформально занятых. Вероятность неформальной занятости, конечно, повышается по мере снижения уровня образования, но и высокое образование не служит гарантом доступа к хорошим местам в формальной занятости.

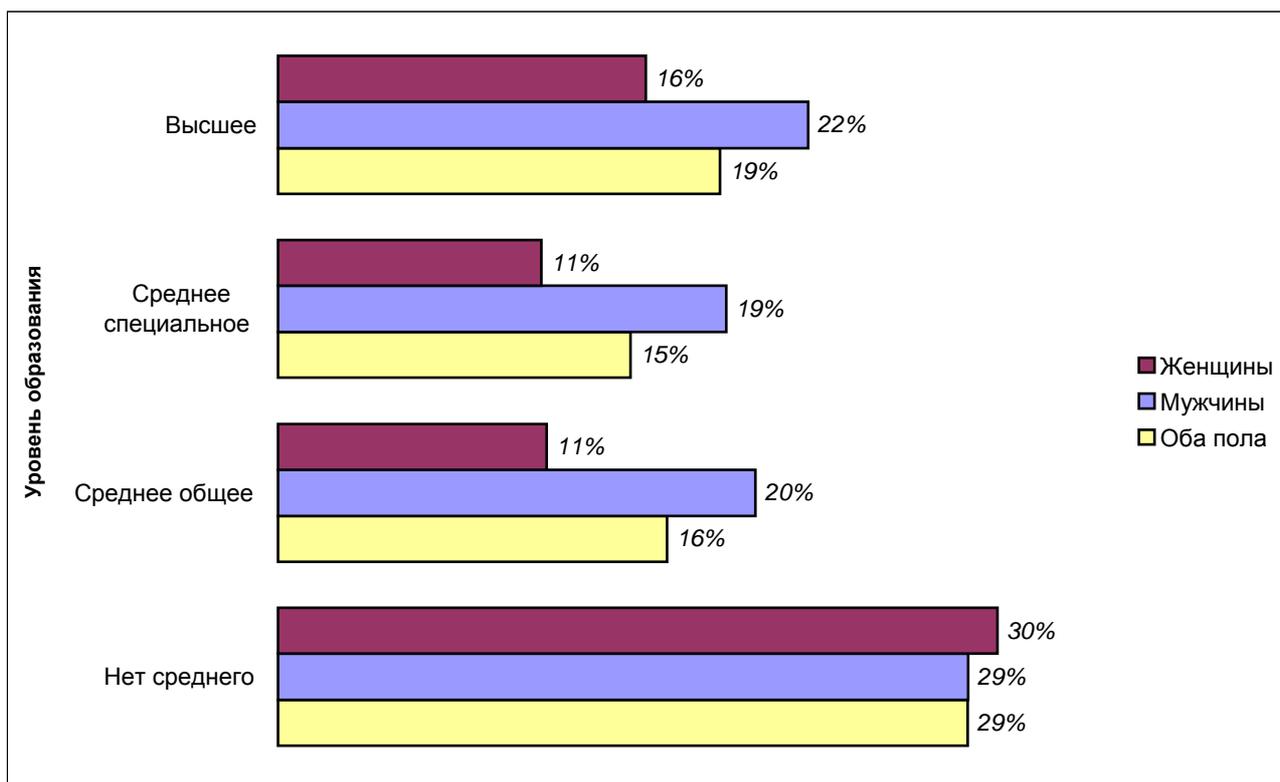

Рис. 3. Доля неформальной занятости в общей численности занятых с разным уровнем образования, опрос МЦК, 2000 г., респонденты 18–72 лет

Достоверно оценить вынужденный характер неформальной занятости на используемых данных сложно. Хотя существуют косвенные свидетельства в пользу того, что эта форма занятости имеет определенные преимущества и для работника. В РМЭЗ работающих по найму на основе устных договоренностей в формальном секторе спрашивают: «Почему Вы не оформлены на этой работе официально?», предлагая выбрать между нежеланием работодателя или самого работника оформлять данный наем. Около трети первично

неформально занятых и немногим менее двух третей вторично неформально занятых ответили, что они сами не заинтересованы в оформлении этой работы.

Аналогично, на вопрос в обследовании МЦК, кто – работник, работодатель или они оба в равной мере, – заинтересован в устных договоренностях об оплате труда, лишь 18% назвали исключительно работодателя. Примерно пятая часть неформально занятых ответили, что в устных договоренностях об оплате труда заинтересованы они сами, остальные считают такую ситуацию выгодной для обеих сторон.

Что может прельщать работника в ситуации неоформленной занятости? Напрашивается ответ – получение недекларируемых доходов. Причем, по данным обоих обследований, это еще и возможность получать эти доходы более регулярно: доля респондентов, отметивших задолженность по оплате труда, среди неформально занятых в два-три раза меньше, чем среди занятых формально.

2. *Неформальная занятость тесно связана с бедностью.* Этот тезис вытекает из предыдущего: заработки неформально занятых должны быть ниже, чем у занятых формально, так как резервная заработная плата у менее конкурентоспособных категорий трудоспособного населения, очевидно, ниже. Более низкие заработки объясняют большее распространение бедности.

Наши данные не подтверждают это положение (рис. 4). Оба массива показывают, что распределение неформально занятых смещено в сторону более высоких заработков по сравнению с формально занятыми. Таким образом, еще одна притягательная сторона неформальной занятости – более высокие доходы. Все это делает тезис о тесной связи неформальной занятости и бедности явно преувеличенным.

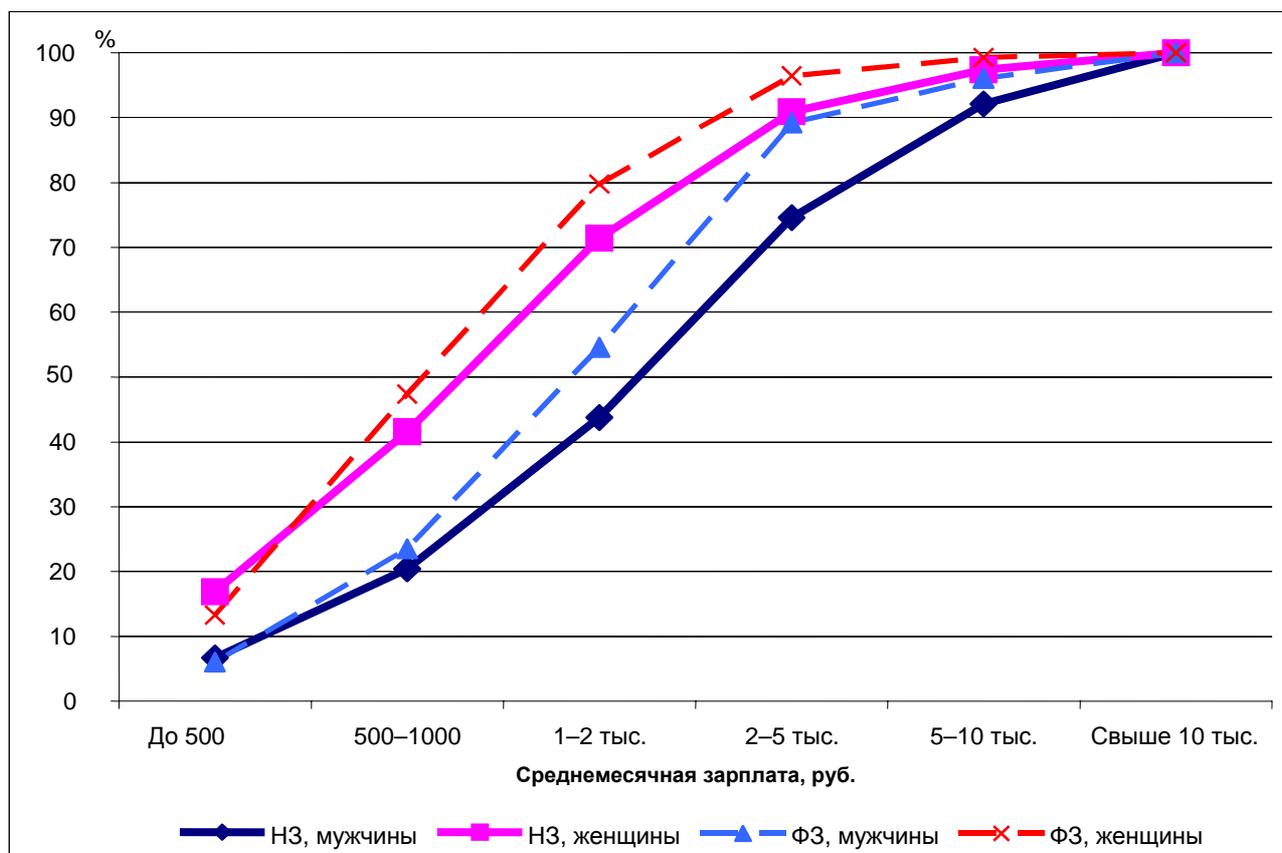

Рис. 4. Распределение накопленным итогом формально и неформально занятых мужчин и женщин по размеру среднемесячной заработной платы, опрос МЦК, 2000 г., респонденты 18–72 лет

Внутри массива неформально занятых различия проходят между случайной и регулярной занятостью, с одной стороны, и между работой по найму и samozанятостью, предпринимательством, с другой (рис. 5). Среднемесячные заработки случайно занятых и наемных работников ниже, что, кстати, отражает имеющиеся различия в уровне образования. Дифференциация трудовых доходов наиболее высока для первичной регулярной неформальной занятости.

Вместе с тем оснований драматизировать ситуацию с доходами неформально занятых – по крайней мере, на основании данных обследования МЦК – нет. Доходы формальных наемных работников также концентрируются вокруг не очень высоких значений (рис. 5).

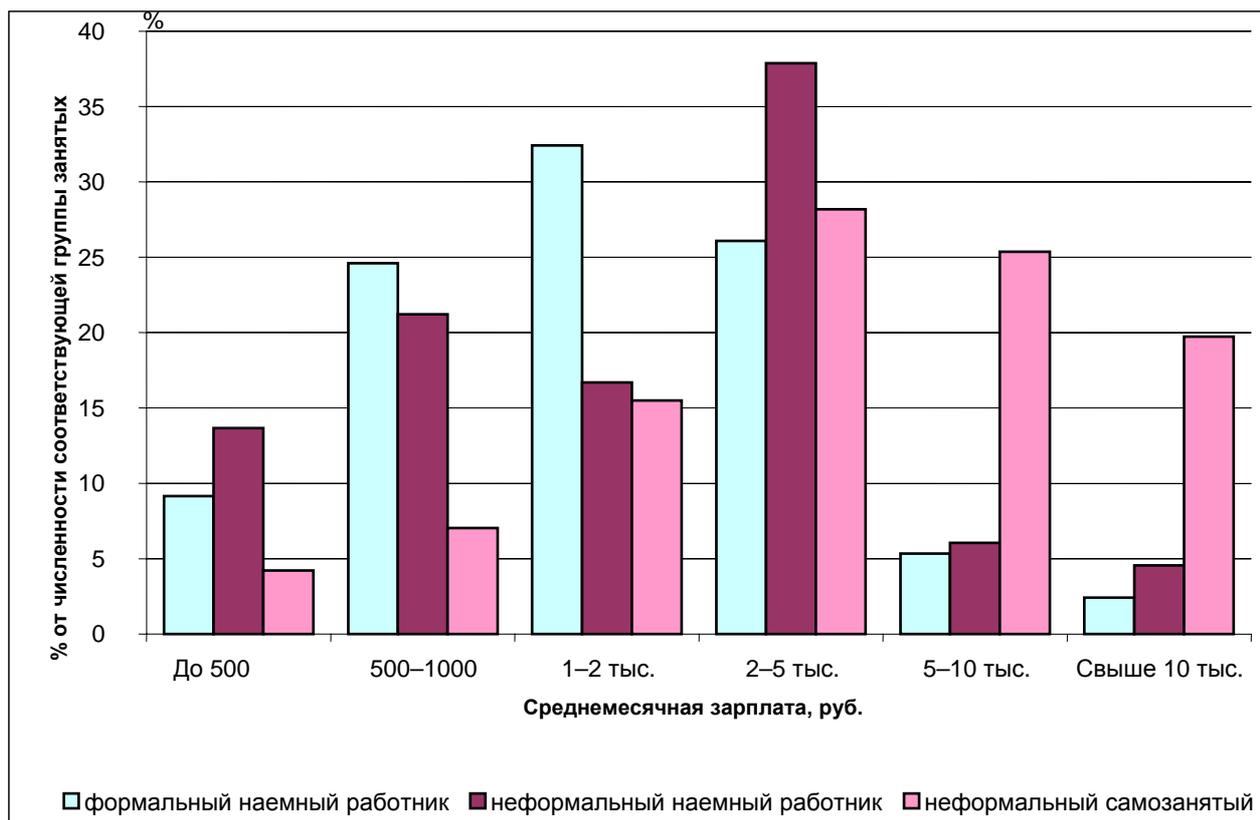

Рис. 5. Распределение формальных и неформальных наемных работников и неформальных самозанятых по размеру среднемесячной заработной платы на основном месте работы, опрос МЦК, 2000 г., респонденты 18–72 лет

3. Еще одно следствие из первого утверждения состоит в том, что *женщины* – как менее конкурентоспособные на рынке труда – *более активно вовлечены в неформальную занятость и особенно в те ее формы, которые требуют меньшей квалификации и значительно хуже оплачиваются.*

Первая часть тезиса – о более высоком участии российских женщин в неформальной занятости – полностью опровергается как нашими данными, так и другими исследователями [Варшавская, Донова: неопубл.]. Уровень неформальной занятости женщин, по данным Карнеги, почти вдвое ниже соответствующего показателя для мужчин – 7,9 против 14,3% соответственно. При этом различия в общих уровнях экономической активности по этому массиву значительно меньше. Доля женщин в составе неформальной занятости – около 40%, несмотря на то что в формальной занятости они составляют 51%. С одной стороны, такая картина есть следствие очень высокого уровня образования российских женщин, в отличие

от женщин развивающихся стран. С другой стороны, относительно небольшое присутствие женщин в сфере неформальной занятости можно объяснить их большей склонностью к консервативным стратегиям: женщины скорее останутся на малооплачиваемом, но стабильном месте в сфере образования или здравоохранения, чем перейдут на хотя и более доходные, но не соответствующие их квалификации и к тому же высокорискованные неформальные работы в сфере торговли или обслуживания.

Что касается того, какие рабочие места занимают женщины в неформальной занятости, то, действительно, они чаще оказываются занятыми по найму, чем самозанятыми, предпринимателями или владелицами фирм. Этот выбор обуславливает более низкий уровень их доходов, причем разрыв в заработках мужчин и женщин в неформальной занятости выше, чем в формальной (рис. 4).

Особенно справедливо это для первичной неформальной занятости. Число наблюдений в использованных массивах слишком невелико, чтобы уверенно фиксировать гендерные различия, однако есть основания полагать, что, действительно, первичная неформальная занятость притягивает, с одной стороны, женщин с более низким образованием, а с другой, – мужчин-предпринимателей с высшим образованием.

В сфере вторичной занятости положение женщин значительно лучше. По-видимому, к этой форме дополнительной занятости прибегают женщины с высшим образованием, работающие в образовании, здравоохранении и науке.

Подведем итоги. Несмотря на попытки отнести Россию к числу «нормальных» стран со средним уровнем дохода на основании макроэкономических показателей, ее неформальная занятость имеет ряд отличий по сравнению с неформальной занятостью в этих «нормальных» развивающихся странах. Во-первых, Россия была и остается страной с практически поголовной грамотностью, качество образования в которой хотя и снижается в последние годы, но остается весьма высоким, причем женщины зачастую лучше образованы, чем мужчины. В результате, несмотря на то что риск оказаться неформально занятым выше для менее образованных категорий населения, в составе российской неформальной занятости представлены разные образовательные и профессиональные группы, с разным уровнем квалификации и опытом работы на формальном рынке труда.

Во-вторых, по указанной выше причине в отличие от развивающихся стран, где исследователи отмечают «женское лицо» неформальной занятости, в России неформальную занятость чаще выбирают мужчины, причем это характерно не только для ее регулярной формы, но и для случайных приработков. И хотя гендерное неравенство в уровне оплаты труда в неформальной занятости, действительно, наблюдается, вряд ли его нынешний уровень следует драматизировать. Ситуация с неформальной женской занятостью в России значительно более благоприятна, чем во многих других странах.

В-третьих, выбор в пользу неформальной занятости связан с тем, что в условиях экономической трансформации этот сегмент занятости обеспечивает часто более высокие и более регулярные доходы, в то время как многие номинально «хорошие» рабочие места в формальной занятости стали реально «плохими» из-за нищенской оплаты и феномена невыплат заработной платы. Наши данные еще раз подтвердили факт взаимовыгодности неоформленных отношений для работника и работодателя. Безусловно, выбор между малооплачиваемой работой «по специальности» и более доходной неформальной занятостью с непонятными профессиональными перспективами не имеет однозначно хорошего решения. Однако само участие в неформальной занятости – это один из вариантов активной адаптационной стратегии.

Насколько стабильна неформальная занятость?

Очевидно, что неформальная занятость как адаптационная стратегия хороша лишь до тех пор, пока она не становится препятствием к возвращению человека в формальные трудовые отношения. Неформальная занятость в развивающихся странах относится к числу таких безвыходных и безысходных состояний. Поэтому закономерен вопрос о том, что происходит в России. Имеется ли в составе неформально занятых стабильное ядро лиц, регулярно прибегающих к этому типу занятости или постоянно находящихся в нем?

Поскольку обследование МЦК было одномоментным, мы вынуждены обратиться здесь к панели РМЭЗ. Представленные ниже результаты относятся к первичной неформальной занятости и включают респондентов 15–72 лет, ответивших о наличии у них работы или регулярных приработков за последние 30 дней и указавших, что эта работа осуществлялась на основе устной договоренности, без оформления или не на предприятии, не в организации.

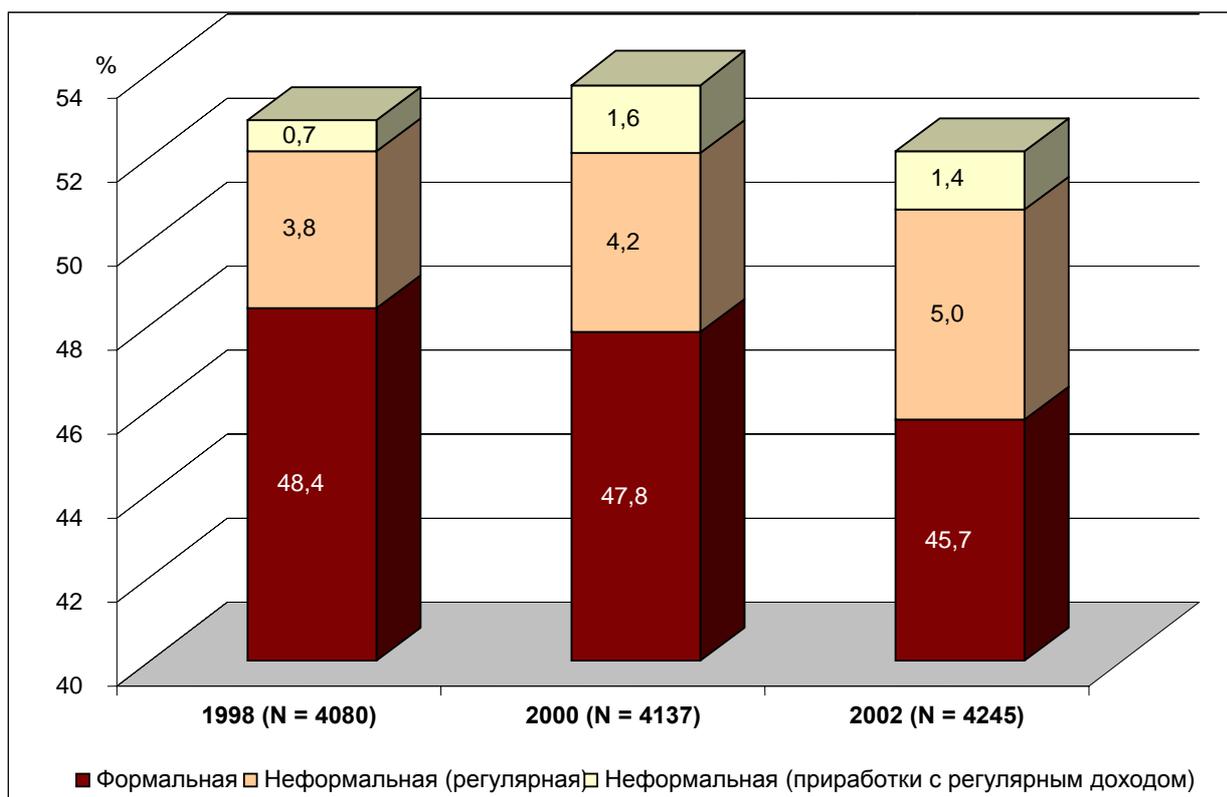

Рис. 6. Формальная и неформальная первичная занятость, панельные данные РМЭЗ, 15–72 лет (N = 4711)

Как видно на рис. 6, в данной панели число неформально занятых имеет явно выраженную тенденцию к росту. Причем этот рост происходил во многом за счет увеличения числа лиц, работавших без контракта в формальном секторе. Их доля в численности населения 15–72 лет увеличилась за 4 года с 0,6 до 1,4%.

Насколько динамичным является феномен российской неформальной занятости? На рис. 7 представлена вся совокупность первично неформально занятых за три наблюдения, каждое с интервалом в два года⁸. Ядро (6,7%) составляют люди, которые были заняты неформально в

⁸ Два года – слишком большой интервал для того, чтобы говорить о реальной динамике статусов. Понятно, что между двумя волнами респондент мог успеть неоднократно

1998, 2000 и 2003 гг. Пересечения пар кругов соответствуют долям тех, кто был неформально занят, по крайней мере, в момент проведения двух из трех обследований. Как видим, для основной массы респондентов это состояние – временное, ограничивающееся одним моментом наблюдения. Лишь 32% неформально занятых в 1998 г. сохранили свой статус в 2000 г., и только 39% занятых таким образом в 2000 г. не изменили статус в 2002 г. Наибольший отток из неформальной занятости происходит в занятость формальную, тогда как лидером среди «поставщиков» неформальной занятости выступает категория незанятых респондентов. Все это говорит о том, что пребывание в неформальной занятости для российского работника – нестабильно. Можно предположить, что неформальная занятость используется как краткосрочная стратегия для повышения уровня текущих доходов.

Рис. 7. Контингент неформально занятых в РМЭЗ за 1998, 2000 и 2002 гг. (N = 523 = 100%)

Вместо заключения: перспективы российской неформальной занятости

Завершая разговор о российской неформальной занятости, подведем некоторые итоги. Наше исследование показало, что масштабы текущей неформальной занятости в России хотя и заметны, но не столь высоки как, например, в развивающихся странах, к которым часто пытаются отнести Россию. Первичная неформальная занятость охватывает менее 10% активного населения.

Однако, учитывая интенсивность потоков как *в*, так и *из* неформальной занятости, понятно, что тот или иной опыт нерегистрируемого труда есть у гораздо более значительной части

поменять работу. Тем не менее, то, что и спустя два или четыре года человек остается верным неформальной занятости, – явное свидетельство стабильности этого состояния.

населения. Неустойчивость индивидуального статуса неформальной занятости – еще одна особенность этого российского феномена, отличающая его от многих развивающихся стран.

Видимо, это связано с тем, что – опять-таки в отличие от этих стран – российская неформальная занятость не является последним прибежищем наименее конкурентоспособных групп населения, с явным доминированием женщин. Возможно, в перспективе она и станет такой. Но пока лицо российской неформальной занятости отнюдь не является женским, а в ее составе широко представлены разные образовательные группы, включая тех, кто имеет высшее образование.

Очевидные минусы статуса незарегистрированной занятости – такие, как нестабильность трудовых отношений и отсутствие каких бы то ни было социальных гарантий – и сейчас, и в будущем, равно как и туманные перспективы профессионального роста, компенсируются возможностью получать текущие трудовые доходы с большей регулярностью, чем в формальной занятости, а зачастую и в более высоком размере. Именно поэтому неоформленная занятость выгодна не только самозанятым и индивидуальным предпринимателям, чьи доходы наиболее высоки, но также и наемным работникам, чье положение традиционно описывается в терминах уязвимости. Таким образом, неформальная занятость может рассматриваться как одна из активных адаптационных стратегий населения.

Какие факторы могут повлиять на изменение масштабов неформальной занятости в ближайшей перспективе? Снижение масштабов невыплат заработной платы, сокращение практики административных отпусков и рост зарплат на формальных рабочих местах, по-видимому, повлияет на снижение интереса работников к неформальной занятости. Ожидалось, что катализатором интереса к формальной занятости станет накопительная пенсионная реформа, которая будет стимулировать заинтересованность работников в легализации их заработков. Однако неочевидность ее пользы в глазах населения и откровенно низкий интерес к праву выбирать частную управляющую компанию или фонд свидетельствуют о том, что этот ресурс – по-прежнему дело будущего. Эффект от снижения единого социального налога, особенно применительно к занятости неформальной, т.е. полностью нерегистрируемой, также пока не очевиден.

Главный вывод, который напрашивается из данного исследования, состоит в том, что неформальная занятость неоднородна и поэтому невозможно применить один универсальный рецепт ее снижения. Неформальная занятость студентов и пенсионеров – примерно шестая часть всей нынешней неформальной занятости – явление практически неизбежное и вряд ли негативное. Первые, пусть неформально, но приобретают опыт трудовой деятельности, вторые – поддерживают уровень доходов.

Неформальная занятость, осуществляемая в форме предпринимательства или самозанятости, на наш взгляд, содержит пока больше плюсов, чем минусов. Да, имеет место уход от налогов. Да, человек оказывается исключен из системы социального страхования. Но он производит и поставляет на рынки товары и услуги, которые, возможно, иначе и не могут быть произведены. Сферы концентрации неформальной занятости – малые частные предприятия торговли, строительства, сферы услуг и сельского хозяйства. Очевидно, что особенности экономической деятельности предприятий этого типа затрудняют или делают невозможным для них следование жестким нормам российского трудового законодательства.

Та часть неформальной занятости, которая действительно заслуживает внимания политиков, – это неоформленная занятость по найму трудоспособного населения. Здесь концентрируются нарушения трудовых и социальных гарантий, здесь ниже доходы и практически отсутствуют возможности для профессиональной самореализации и роста. Задача по отношению к этой группе – не допустить превращения этой неформальной занятости в застойную и, по-возможности, снижать масштабы ее распространения.

Литература

- Барсукова С.Ю.* Неформальная экономика: причины развития в зеркале мирового опыта // Экономическая социология. 2000. Т. 1. № 1. С. 13–24.
- Барсукова С.Ю.* Неформальная экономика: понятие, структура // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 4. С. 15–36.
- Варшавская Е.Я., Донова И.В.* Неформальная занятость как основная и дополнительная работа: масштабы, состав занятых, специфика // Отчет по гранту НИСП.
- Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002.
- Ненаблюдаемая экономика: попытка количественных измерений / Под ред. А.Е. Суринова. М.: Финстатинформ, 2003.
- Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Под ред. Т.М. Малевой. М.: Гендальф, 2003.
- Bangasser P.* The ILO and the Informal Sector: An Institutional History // ILO Employment paper. 2000.
- Bernabè S.* Informal Employment in Countries in Transition: A Conceptual Framework // CASE Paper. 2002. April.
- Carr M., Chen M.A.* Globalization and the Informal Economy: How Global Trade and Investment Impact on the Working Poor? // ILO WP on the Informal Economy. 2002. No. 2002/1.
- Chen M., Jhabvala R., Lund F.* Supporting Workers in the Informal Economy: A Policy Framework // ILO WP on the Informal Economy. 2002. No. 2002/2.